

В ОПРАВДАНИЕ ПАМЯТИ ЧЕСТНОГО ЧЕЛОВЕКА

<Концу 1860 года.>

Нам доставлены, с просьбою о напечатании, следующие бумаги. Всякие комментарии с нашей стороны только ослабили бы глубокое, потрясающее душу впечатление, производимое простыми словами, написанными несчастным юношею за несколько часов до смерти, и безыскусственным, наскоро набросанным рассказом, который объясняет весь ход ужасного недоразумения, разрешившегося смертью Десятова. Скажет иной: «Но разве не было ему другого средства восстановить чистоту своего имени?» Едва ли было другое средство. А если бы и было, пылкий юноша не мог ждать.

Вот, во-первых, рассказ, написанный лицом, знающим все подробности. Он торопливо набросан карандашом. Мы не почли нужным переделывать его: в своей подлинной, отрывочной форме он тем ярче кладет печать истины на каждую подробность рассказываемого дела.

«11-го ноября в г. Бежецке молодой человек 20 лет, Ямбургского Уланского принца Фридриха Вюртембергского полка корнет Десятов, кончил жизнь пулею в сердце.

Вот как было дело:

Между 5-м и 10-м числом октября корнет Гончаров, одного полка с Десятовым, на пути из Москвы в Тверь познакомился с одним немцем (не знаю фамилии), тоже ехавшим в Тверь. Остановились они вместе в гостинице Гальяни. На другой день утром пришел к Гончарову Десятов, бывший в Твери проездом. Вслед затем пришли Уланского Е. В. В. К. Николая Николаевича полка корнеты Мальковский и Чагин, бывшие в то время членами судной комиссии, судившей Гончарова за самовольную восьмимесячную отлучку. Гончаров велел подать шампанское. Начали пробовать силу — бороться, и когда Десятов боролся с немцем, вошел слуга и сказал немцу, то его кто-то спрашивает. Немец вышел и, возвратясь через несколько минут, подошел к столу

и взял лежавший на столе кошелек. «В этом кошельке было 250 рублей серебром, а теперь их нет», — сказал немец. Что тут произошло, рассказывают весьма различно. Вошел солдат, сказал Мальковскому и Чагину, что их требуют в комиссию; они ушли; вслед за ними ушел и Десятов. Все рассказы со всеми вариантами в итоге тождественны: обыска сделано не было.

В тот же или на другой день немец пришел к губернатору. «У меня пропало 250 рублей серебром так-то и так-то; тут были такой-то и такой-то; не смею подозревать гг. офицеров; у меня пропало последнее; теперь не имею с чем ехать» (он ехал в Сибирь гувернером к какому-то графу).

Губернатор (граф Баранов) предложил немцу 50 рублей серебром с тем, чтобы он ехал немедленно и не заводил дела. Немец согласился. Правитель канцелярии губернатора г. Преферанский тут же заметил графу: «Надо дать делу законный ход; нечего щадить мундиры». Граф не захотел.

На другой день после происшествия в гостинице Гальяни Десятов уехал из Твери в деревню к своему дяде. В первых числах ноября получает он в деревне записку от полкового адъютанта явиться к командиру полка. 9 ноября приезжает в полковой штаб, в г. Бежецк, — в тот же день является к полковому командиру. Разговор полковника с корнетом одни рассказывают так, другие иначе; положительно известно только, что полковник предложил корнету отставку и прочитал ему следующее письмо (письмо написано дивизионным адъютантом Юрьевым к полковнику Альфтону, как видно из письма, по поручению графа Беннигсена, командовавшего дивизиею за отсутствием генерал-адъютанта Безобразова):

«Милостивый Государь Алексей Карлович,

До слуха его сиятельства графа Беннигсена дошло, что офицер вверенного Вам полка корнет Десятов во время своего проезда чрез г. Тверь из отпуска к полку сделал такого рода поступок, который заставил говорить весь город начиная с губернатора и положил пятно на весь полк.

В немногих словах я объясню Вам это дело: корнет Гончаров, следуя по железной дороге из Москвы в Тверь, познакомился с неким иностранцем, отправляющимся в Сибирь на какое-то место, и пригласил его остановиться в одной гостинице и №. На другой день утром к Гончарову собралось несколько офицеров, а в числе их корнет Десятов; чрез известный промежуток времени у иностранца не оказалось 250 р. с., единственного его средства доехать до места своего назначения. Подозрение пало, как меня уверял сам Гончаров, на корнета Десятова.

Вследствие всего этого граф поручил мне написать Вам и просить Вас предпринять меры для удаления корнета Десятова

из полка, ибо, как он сказал, все касающееся дивизии чувствительно и для него.

С истинным уважением и таковою же преданностью имею честь быть Ваш покорнейший слуга

Ал. Юрвев».

11 ноября утром Десятов застрелился.

До той минуты, когда полковник показал Десятову письмо дивизионного адъютанта, Десятов не знал молвы, обвинявшей его; не знал он и того, что молва между прочим говорила, будто драгунского полка поручик Рейц назвал его в глаза вором и будто он смолчал. Последнее ему сообщил г. Попов, бывший у него за несколько часов до его смерти. Перед самой смертью Десятов протестовал против этого письмом к Рейцу.

Десятов застрелился не в минуту порыва, когда человек от сильного душевного потрясения теряет сознание своего поступка, когда, обезумев от боли, ищет исхода, бьется головой об стену, хватает что попало под руку, и если то пистолет, пускает в себя пулю; убьет ли его эта пуля, или не убьет, он в ту минуту не думает о том; он ни о чем не думает, ничего не хочет: ни жить, ни умереть, — он ищет исхода; прошел кризис, и если остался жив, — живет и благодарит судьбу, как благодарит вставший от смертельной болезни. Не так застрелился Десятов. Он застрелился обдуманно: за полтора суток решился умереть — и умер. Промახнись первая пуля, он бы верно всадил в себя другую, третью. Что же вызвало такую решимость?

Положение Десятова было безвыходно. Где убийцы?

Некто сказал, что Десятов — вор. Господствующие понятия в той среде, в которой жил Десятов и к которой принадлежал вполне по своему воспитанию и по своим личным понятиям, указывали на личную расправу: стреляться с этим некто. Здравый смысл говорил: если этот некто — честный человек...

Вот набросанный карандашом на полулисте бумаги рассказ, который мы печатаем, не изменив в нем ни одного слова. Он дышит полным беспристрастием и несомненною правдивостью. Теперь следуют бумаги, найденные по смерти Десятова. Во-первых, дневник самого Десятова о последних 24 часах его жизни.

За несколько часов...

«Вчера утром приходил ко мне полковник, но не застал дома. Добрый человек! Вероятно, хотел меня успокоить; я уважаю этого человека. Подосадовав, что выписанные на мое имя пистолеты не успели во-время, я отправился в 10 часов утра из дому. Главною моею целью было найти пистолеты. Иду, не знаю куда, совершенно машинально забрел в первую попавшуюся лавочку и накупил всякой дряни. Лавочник воспользовался тем, вероятно,

что я не об том думал, и в итоге оказалось пряников на 2 рубля серебром. Прошел всю большую улицу отвратительного Бежецка и незаметно очутился на базаре. Шум разношерстной толпы, крики всевозможного рода животных, начиная от млекопитающих и кончая моллюсками, заставили меня разогнать черные мысли.

Чего не перечувствуешь, твердо решившись умереть завтра!.. Первое, что мне представилось в это время, или, лучше сказать, первое, что я подумал, относилось к тому, что еще десятков шесть лет, и немногие из них останутся на поприще жизненной деятельности.

Но главное, что первым из них должен умереть я!..

Кто знал из этой огромной массы народа, что среди них стоит полумертвец?..

Мысль о пистолетах меня не оставляла.

Я хотел было уже бежать на постоянный двор и лететь в Москву отыскивать Гончарова, но вспомнил данное полковнику слово не отлучаться из города; я совершенно повиновался ему. Вижу, идет Шитеньев, мы раскланялись; мне бы хотелось знать, что он тогда обо мне подумал. Пролетел на тройке корнет Хомяков и успел крикнуть: «Где это вы все пропадаете?»

Все вокруг живет, кажется жизнью, а на душе у меня свинец. Простояв несколько времени на площади, я сел на первые попавшиеся розвальни и велел ехать в Кобылино (к г. Гейсту, управляющему именем моего родственника). Гадкая кляча, заплетая ноги, кое-как протащила меня эти семь верст. Чтоб хоть чем-нибудь развлечь себя и разогнать рисующуюся передо мной картину своего погребения, я начал грызть пряники и щелкать орехи, везенные маленькому сыну Гейста. Вхожу в дом, раскланиваюсь с хозяевами, которые мне очень обрадовались и, как я заметил, куда-то собирались ехать. После я узнал, что они собирались к г. Гофмейстеру, лесничему графини Паниной, который в это время был у них.

Извиняясь пред хозяевами, что попал в такое время, и получив от них в свою очередь много извинений, я был приглашен г. Гофмейстером ехать вместе к нему. Гофмейстер очень мило играет на фортепьяно и потому, пока лошади еще не были поданы, сыграл несколько маленьких пьес и танцев. Не показывая хозяевам признаков грустного настроения духа, я принужденно веселился, пел, танцевал с крошечной их дочкой и старался скрыть свои чувства. Несмотря на все это, они, кажется, заметили, что я, как говорится, был не в своей тарелке. Прошел в кабинет и, не заметив висевших там прежде пистолетов, обратился по этому случаю к г. Гейсту с вопросом, на что получил ответ, что они в починке. «Ах! — подумал я, — и тут неудача!» Присутствие же Гофмейстера меня, однако, ободрило: я знал, что он — большой охотник, и смело рассчитывал, что у него есть всякого рода оружие.

Лошади поданы, и мы отправились. Дорогой пел любимый мой романс «Матушка голубушка» и в то же время обдумывал, каким образом и для чего выпросить у Гофмейстера пистолеты. План составлен. Мы приехали. Я не ошибся: оружия много, и на столе лежит пара пистолетов. Речь об них не замедлила скоро начаться. Он рассказал мне об их превосходном достоинстве, и кончилось тем, что я попросил у него завтра их попробовать на предполагаемой как будто бы завтра пальбе в цель. Он согласился. Дело оставалось только за пулями, но вот уже и определен кусок свинца, назначенный рассечь мое сердце. Гофмейстер вылил несколько пуль и вместе со всеми припасами положил в бумагу. Я казался веселым. М-те Гофмейстер — премилая особа, прекрасно образованная; с ней я провел весело время, и завтрашний план мало-помалу стал оставлять меня, пока я не зашел в кабинет и не заметил пистолеты уже заряженными. Один из них я пробовал, и пуля пробила две доски, довольно толстые. Пистолет этот я зарядил сам, чтобы не умереть от пули, вложенной другим. Меня просили быть осторожным с пистолетами, потому что у них есть пружина, вследствие нажатия которой курок спускается без малейшего усилия. Я обещался.

Часов в 8 мы отправились оттуда опять к г. Гейсту и, несмотря на его усиленные просьбы остаться ночевать, я не согласился и просил приготовить лошадей к 9 часам.

Прощаясь, он опять напомнил мне, чтобы я был как можно более осторожен с пистолетами. Положив их в боковой карман шинели, я незаметно доехал до Бежецка, потому что уснул и проснулся уже тогда, как кучер сказал: «приехали-с!» Сны были черные...

Улегшись заснуть, я решительно не мог заснуть, мысли одна чернее другой кружили мне голову. Весь я был в каком-то жару. Собака выла почти под самым окном... Я схватился правой рукой за левый бок и стал отыскивать точку биения сердца, чтобы завтра не промахнуться; оно билось так сильно, что даже рука приподнималась. Пистолеты и письма во всю ночь лежали в изголовье, человек мой не видал даже, как я внес их в комнату. Но вот миновалась мучительная ночь! Я велел подать себе чистое белье и — не скрою чувств своих — увидал на нем вензель, вышитый матерью, горько заплакал, поцеловал его, одевшись, принялся писать и сделал кое-какие распоряжения. Сейчас, то есть за несколько часов до смерти, которую я назначил себе, приезжал Попов. Но рана, которая запала мне в душу, кажется, не уступает той, которая будет от пули... Он не успокоил меня... Пошлю за фельдшером: быть может, прицелюсь неверно, и тогда его пособие необходимо.

1860 года.
11 ноября».

Наконец вот письма, оставленные Десятовым; их четыре: 1) к товарищам; 2) к г. Семенову; 3) к Рейцу; 4) к матери.

1

«Товарищи и добрые сослуживцы!

Меня более уже не существует, потому что, как видите, пуля не промахнулась, следовательно рука не дрогнула. Прочитав мое письмо, Вы убедитесь, что, умирая, совесть моя была чиста. Согласитесь, что сказание Ярослава «Мертвые бо срама не имеют» совершенно правильно. Мне теперь все равно; но при всем том поклянусь вам тем светом, в котором нахожусь теперь, что приписанный мне поступок — сущая клевета. Клевета, которая глубоко запала мне в душу. Уважая вас и ценя честь нашего полка, я решился на самоубийство. Не вините меня, потому что чувство совести, всосанное мною вместе с молоком матери и не позволившее бы мне сделать преступление, в то же время заставило меня поднять на себя руку. Полковник тут — сторона, он исполнил свой долг, показав мне нелепое письмо. К чести его отношу то, что он не скоро на это решился.

Горжусь, добрые товарищи, что умираю в мундире того полка, на котором не существует черных пятен. Распорядителем после смерти в лице целого полка избираю командира лейб-эскадрона ротмистра Семенова, которого прошу успокоить добрую мать и написать ей, что я умер после болезни. Знаю, что ей, как женщине образованной и безгранично меня любящей, трудно будет перенести потерю сына, но что делать?.. Неужели для того, чтоб ее успокоить, нельзя будет закрыть простреленное сердце?..

Умоляю вас похоронить меня у вновь построенной Линевым церкви Вознесенья. Как довести меня туда, я напишу Алексею Павловичу.

Теперь позвольте мне вам [сказать] последнее прости и умереть с истинным к вам расположением и преданностью. Не помните лихом и постарайтесь раскрыть истину.

Ямбургского Уланского его королевского высочества принца Фридриха Вюртембергского полка

Корнет Десятов».

2

«Многоуважаемый Алексей Павлович!

Примите на себя труд сделать все как следует. Деньги на гроб и на что следует по расчету возьмите у Романа Егоровича Гейста, скажите ему, что фон Бок за все заплатит. Потребуйте от него тройку, чтоб свезти мое тело в с. Расторопово, где и прошу похоронить. Пока будут делать гроб, чтоб он послал в Расторопово записку Феодору Карловичу Крузе о высылке новой тройки для встречи тела и доставки по принадлежности. Мне очень

нравится церковь Вознесенья. Пока меня повезут, можете известить родственников, о которых спросите у Павлушки: он всех знает.

Вещи мои продайте с аукциона, как-то: новую шинель, седло, белье, два новые чемодана, все платье, кроме новой полной парадной формы, в которой прошу положить в гроб. Все вещи, которые на столе, одним словом — все. На вырученные деньги отдайте долги: Зубовичу 25 руб.; в клуб хорошо не знаю, посмотрите в книге; Максимову 29 р. 30 коп.; кондитеру Мишелю 15 руб.; Миллер Гейсу 6 руб.; у знакомого моего в Москве обер-кондуктора Бари брал 15 руб.; вам за продовольствие лошади следует 15 руб.; за квартиру за три месяца 12 руб.; Донино 20; Гродгусу 10, что составляет около 150 руб. Надеюсь, что хватит, а если что останется, перешлите фон Боку на сохранение до приезда наших из Петербурга. Портфель со всем, что в нем находится, не продавать, а отдать туда же. Узнайте, молю вас, от этого поганца немца, который на меня осмелился сочинить такую небылицу, было ли у него за душой 250 руб. Знаю только, что бог его накажет, потому что на меня сказанное — чистая ложь. Остальное сделайте по вашему усмотрению.

Прощайте, мой дорогой.

Желаю вам наслаждаться жизнью.

Н. Десятков».

3

«Поручик Рейц!

Вы никогда не говорили мне фразы, в которой предлагали с Вами рассчитаться. Будьте уверены, что я никогда не отказался бы отвечать Вам. Поклянитесь, что Вы говорили, тогда я виноват пред Вами. Вы хотели себя выставить с хорошей стороны пред другими и решились так нагло врать. Не здесь, так на том свете отомщу Вам. Скажите то же Гончарову.

Десятков».

(Из этого письма мы выпускаем несколько слов резкого упрека. Мы желали бы, чтобы г. Рейц и г. корнет Гончаров мог <ли> доказать, что молва, передавшая Десяткову, будто бы они говорили против него, была клеветою. Страницы «Современника» открыты для их объяснений, это разумеется само собою.)

4

«Милая maman!

Чувствую, что я очень болен и не знаю, переживу ли болезнь, меня терзающую. Не плачьте, умоляю Вас, потому что Вы строите свое здоровье, которое берегите для сестры и брата. Целую Вас и прошу благословенья.

Н. Десятков».

Что прибавить к этим бумагам, так неподдельно рисующим мужественную, простую, чистую душу несчастного молодого человека?

Надобно прибавить одно только, от лица всего русского общества, — сказать слово если не утешения — что может утешить в такой потере? — то сочувствия бедной матери несчастного.

Да, скажет ей каждая и каждый в нашей земле: Вы имели сына, благороднее которого не имела ни одна мать, и какова бы ни была Ваша скорбь о нем, гордитесь ею, и да укрепится дух Ваш сочувствием всего русского общества.